

Евгений Ташу

Брат Мурат

**Именем революции,
или
Бредущим в наизидание**

Мурат Брат

**Именем революции, или
Бредущим в наизидание**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Брат М.

Именем революции, или Бредущим в назидание / М. Брат —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-2546-9

Иронию, стёб, сатиру, черный юмор и просто добрый, весёлый юмор
- всё это вы найдете в этом феерическом новом пикарескном романе-
демотиваторе. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2546-9

© Брат М., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Посвящается солнечному клоуну Роберту Саралып.

Новый пикарескный роман-демотиватор по рассказам Королевы Анастасии.

«Встречайте будущее с улыбкой, провожайте со смехом, и вы не будете плакать о прошлом» Се Дук Сен.

ВНИМАНИЕ: Мы, авторы этой сногшибательной и пупер-суперальной книги, со всей ответственностью заявляем: любые параллели и совпадения с реальностью считаем вполне уместными, справедливыми и вполне допустимыми, но, однако, при этом сообщаем, что читатели, позволяющие себе проводить эти параллели, несут полную ответственность за свои фантазии.

ПРОЛОГ

«Предчувствие встречи – всегда место для иллюзий» Се Дук Сен

Докеры Гамбурга очень любили пользоваться услугами проституток, которые, в свою очередь, любили докеров Гамбурга за их платежеспособность и за революционный настрой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что проститутки Гамбурга, расплатившись с докерами, как говорится, натурой, арендовали у них сухой док. Проституткам Гамбурга док понадобился неспроста – необходимо было помещение для проведения первого в мировой истории съезда проституток, который был запланирован на 22 апреля 1870 года и был приурочен ко дню рождения Вождя Мирового Пролетариата товарища Ленина, который был должен родиться с часу на час.

Революционно настроенные проститутки Гамбурга решили оформиться в трудовой союз – в профсоюз проституток – и начать отчаянно бороться за свои права, попираемые ханжеским буржуазным обществом, погрязшем в мещанстве, стяжательстве, собственничестве, а также в классовых предрассудках таких, как честь, достоинство, целомудрие и тому подобные рудиментарные пережитки мрачного, непросвещённого прошлого. Сексистски настроенные страдатели, мещане и разночинцы Гамбурга, не говоря уж о более привилегированных классах, несмотря на то, что весьма охотно пользовались услугами весёлых и аппетитных проституток, все же не считали проституток за людей, брезговали появляться с ними в обществе. Самым обидным для проституток был тот факт, что никто, кроме докеров, не хотел на них жениться. А зачем, скажите, проститутке докер с его жалкой комнатухой в коммуналке и мизерной зарплатой? Проститутка – она тоже человек. Она тоже, как и любая женщина, мечтает о большой и светлой любви, мечтает о принце на белом коне. Вот, если бы закон издать, обязывающий принцев жениться на проститутках!.. Короче говоря, необходимо бороться с подобной дискриминацией принцев, которым затхлые предрассудки запрещают жениться на проститутках!

К открытию съезда стены дока были увешаны красными революционными плакатами с различными лозунгами. «Женщина – друг человека!», «Долой предрассудки и стыд!», «Да здравствует равенство!», «Все женщины – проститутки!», «Проститутки всех стран соединяйтесь!», «Все мужики – козлы!» – эти и многие другие лозунги пестрели и призывали к нещадной борьбе за Светлое Будущее. Вдоль террасных стен сухого дока были установлены многочисленные скамейки, наспех сколоченные докерами из палет, задрапированные красным революционным кумачом. Посередине дока, так же из палет, была сколочена импровизированная сцена, обильно покрытая неизменным кумачом.

И вот долгожданный час открытия Первого Всегерманского Съезда Проституток настал. На скамейках собралось несколько тысяч проституток Гамбурга, а также делегатов, прибывших из борделей различных городов Германии. Кроме проституток, на съезде присутствовали несколько сотен делегатов от различных докерских профсоюзов. Проститутки и докеры Гер-

мании недавно объединились в единую партию РСДП (б) – Революционный Союз Докеров и Проститутков (бл@дей).

На сцену поднялась пламенная революционерка и несомненный лидер германских женщин товарищ Клароза Цеткинлюкс, которой выпала большая честь выступить с приветственным словом.

–Товарищи проститутки! – начала свою пламенную речь товарищ Клароза. – Разрешите поздравить всех нас с открытием первого в мировой истории Съезда Демократических Проститутков! Именно проститутки и докеры сегодня являются авангардом мирового революционного движения! Проститутки всего мира шлют съезду свой пламенный привет!

Док разразился бурными аплодисментами, переходящими в бурные и продолжительные овации.

– Товарищи!.. – продолжала свою речь Клароза Цеткинлюкс, отхлебнув мутноватой жидкости из горла граненого графина. – Также разрешите поздравить вас с еще одним праздником! Сегодня, двадцать второго апреля тысяча восемьсот семидесятого года, далеко на востоке, в провинциальном городке Ульяновске в семье Ильи Николаевича и благодатной девы Марии Александровны Симбирских родился великий Вождь мирового пролетариата товарищ Ленин! Святые волхвы международного революционного движения товарищи Карл Маркс, Фридрих Энгельс и Михаил Бакунин уже отправились в паломничество на восток, ведомые кремлевской звездой, чтобы поднести дары новорожденному мессии революции! Ура, товарищи!

– Товарищи девки! – продолжала свою тираду пламенная Клароза. – От имени и поручению съезда революционных проститутков, мы заявляем о безоговорочной и полной поддержке находящихся на передовых баррикадах в борьбе с прогнившим прошлым гетер Римской республики, гейш Сяпонии и Северной Скорей, блудниц Вавилона, сук, феминисток и стерв Европы и Америки, а также истинных ****ей РСФСР! Ура, товарищи! Возродим ****скую Атлантиду и освоим Антарктиду, пока мы ещё можем! А мы можем всегда!

Бурные овации и крики не стихали несколько часов, а в воздухе над доком порхали подбрасываемые вверх кепки докеров и лифчики проститутков.

Над феодально-капиталистическим миром восходила новая эра, озаряя все на своем пути пламенем Мировой Революции – эра Коммунизма, равенства и свободного от угнетения труда, являясь предтечей революции сексуальной. Но приходилось быть и на стороже, ибо, исходя из борьбы противоположностей, всегда сохранялась опасность гомосексуалистической контр-революции.

ГЛАВА 1

« Не оставляйте свою несчастную тень на месте преступления!» Се Дук Сен

Солнцеподобный фараон товарищ Коба уже три ночи подряд вызывал тень отца Гамлета, но являлся почему-то его дядя Клавдий. Наконец, Клавдию это надоело, и он сказал:

– Слышишь, придурок усатый, неужели ты до сих пор не понял – это я настоящий отец Гамлета!

За такие слова Локомотив Революции Коба, конечно, тут же приговорил бы Клавдия, будь тот живой, во имя революции к расстрелу, но что возьмешь с бестелесного духа. Разве послать куда подальше... Так и получилось – они разошлись в разные стороны, но по одному и тому же адресу.

Вообще-то, Коба хотел вызвать дух Ленина, но никак не решался на это. Коба боялся услышать от вызванного им духа обвинение в том, что он повел пролетариат не той тропинкой да не в ту степь. Но ночь близилась к утру, и Коба решил, что вот завтра он, Коба, не будет бабой, а непременно решится на этот шаг.

Со Шпасской башни запели хремлёвские петухи. Коба откинулся на спинку кресла, прикурив подаренную товарищем Воровшиловым бриаровую трубку – трубку войны, как он в шутку её называл, и, с удовольствием затянувшись, выпустил дым в потолок длинной и узкой струей.

Ночью приснился Василию Ивановичу странный сон. Снилось Василию Ивановичу, что он – Анка, которая разбирала и, по-женски, очень нежно и аккуратно, ловко орудуя тонкими, длинными пальчиками, чистила пулемет. Уж таким был сон реалистичным, что проснулся Василий Иванович и не мог понять – кто же он? То ли он – Василий Иванович, которому снилось, что он Анка. То ли он – Анка, которой снилось, что она – Василий Иванович, которому снилось, что он – Анка, которой снилось, что она с Петькой... Ой!..

Проснувшись, Василий Иванович с щемящей тоской оглядел сырые, сложенные из грубо отесанного камня стены своей тюремной камеры и, взявшись руками за оконную решетку, стал смотреть в хмурое небо, напевая свою любимую песню «Черный ворон, что ж ты вьешься над моею головой...»

Над частью неслась веселая мелодия полкового художника-арьергардиста и баяниста Бориса Оглоблина. В сером мареве неба скопище ворон справляла свою весьма крикливую свадьбу, обрушивая помет на головы случайных прохожих...

Василий Иванович чувствовал себя очень странно. И какой мужик себя не почувствовал бы странно, ежели б оказался в вожденной им самим женской шкуре... Это такое дело – незащищенное стыдобище. Но было и нечто положительное: явные и смутные тревожения и неизвестное доселе странное чувство внизу живота на время выбили из его бедовой головы мысли о предстоящем расстреле.

– Лучше бы я приснился себе, – размышлял, преисполненный жалости к самому себе, Василий Иванович, – разобраным пулемётом в руках Анки, чем самой Анкой...

Ну, нравилась ему эта деваха... Василий Иванович подозревал, что она понимает лошадиный язык – раза два заставлял её, разговаривающей со своей сивой кобылой по кличке Королева Анастасия, хотя на Авраменском гипподроме такой факт признали бы за китайское колдовство, а «колдуна» бы сожгли на костре последователи ордена блаженного Чеха Ладзева, коих на том гипподроме было превеликое множество, как и разного рода лихих баб и ростовщиков.

Сегодня Василия Ивановича должны были расстрелять именем Революции, как врага народа и вредителя, за утрату боевого знамени... Говорят, председателем Революционного Трибунала будет сам начальник дивизионного Особого отдела ВЧК дважды комиссар государственной безопасности товарищ Павло Лаврентьевич Ёберия, который к тому же по совместительству был наркомом НКВД. Василий Иванович понимал: ничем хорошим назначение Ёберия ему не сулит – нарком НКВД был не менее кровожаден, чем его предшественники товарищи Ягодица и Ёжиков, оказавшиеся совсем не товарищами, а самыми настоящими контрами и врагами трудового бедняцкого народа. Василий Иванович даже бывало подумывал, что на должность комиссара госбезопасности как раз и назначают исключительно одних врагов народа, но старался гнать от себя прочь подобную крамольную мысль, недостойную настоящего живого коммуниста.

В этот момент за окном камеры, в тюремном дворике, раздался громкий голос «Именем Революции!...», после чего последовал громкий ружейный залп. Василий Иванович в ужасе отшатнулся от окна и, ввиду отсутствия в камере какой-либо иконы, перекрестился на висящего в углу посреди густой и раскидистой паутины зловеще черного паука, который поедал только что попавшую в паутину муху. Пока он крестился, в его голове оформилась от страха предстоящего суда контрреволюционная мысль: «Эх, мама родная!.. Революция, вместо того, чтобы вознести, обесценила и приравняла человеческую жизнь к жизни обыкновенной мухи дрозодилы...»

Василий Иванович испугался своих мыслей и, плотно зажмурив глаза, обхватил помятое лицо шершавыми ладонями и уткнулся в угол.

Анка тревожно ворочалась, просыпалась, садилась, глубоко и томно вздыхала, и снова, откинувшись, засыпала. И снились ей тревожные сны – они начинались вполне радужно, но заканчивались какой-то жуткой экзекуцией, учиненной над её половозрелым телом вострой саблей Василия Ивановича. И во всех снах на ней были алые бюстгальтер и трусы английского фасона. Это были трусы и бюстгальтер из настоящей яви – она их сама сшила по лекалам трофейного английского журнала «Космос и полиэтилен» из алого полотнища, подаренного ей намедни Петькой на день рождения. И, кстати, этот обалдуй пригласил поехать с ним в отпуск на Кавказ – на Каспийское море. Умора!.. Там местные джигиты мигом скрутят Петьке голову и запихают в одно место! Вот идиот! Кто ж знал, что он украдет полотно Красного знамени? А ведь она подозревала!.. А он, мол, это старое, старое... Настоящий обалдуй!.. Но теперь поздно – бюстгальтер и трусы обратно во флаг не сошьёшь. А признаться боязно – расстреляют ведь! И не только Петьку, но и её. Она корила и себя, и Петьку за несознательность, но ведь есть же разница: расстреляют одного Василия Ивановича или же еще двоих – её и Петьку... Хотя, конечно, Петька этого вполне заслуживал. Но, все равно, ей до глубины души было жалко Василия Ивановича – ведь он такой весёлый человек... был...

Эх, помнится, в Гражданскую Василий Иванович на спор переплыл реку Урал вдоль и поперёк! Причем, туда и обратно. По пьяне, конечно... Он как раз перед этим на трофейном ероплане слетал в Килзяр за коньяком, настоящим на гагачьих яйцах, чуть не повредив при этом ероплан. Маршал Обороны и Командарм Андрей Антонович Сечка потом грозился сослать Василия Ивановича за это в каторжный авиационный штрафбат, как младшего лейтенанта Минченко и старшину Минина, но, так как никакой войны в этот момент не было, Василий Иванович отделался привезенным коньяком, который и выпил с Командармом. Тогда же Василий Иванович и проиграл Маршалу спор – пришлось переплывать реку. Причем, туда и обратно... Вдоль и поперек... И он было чуть не утонул, когда сработал эффект коньяка на гагачьих яйцах, при котором кровь отливала со всего тела в отдельный детородный орган. Но то стало уже частью истории...

Когда Василий Иванович был в Килзьяре, он повстречал там красавицу-абасаранку Патимат или попросту – Патю, приехавшую в сей город в гости к дяде Маге из своего горного аула Идинахи. Влюбившись с первого взгляда в стройную, как кипарис, горянку, Василий Иванович, недолго думая, украл Патю и, закатав ее в свою неизменную бурку, снятую некогда с пленного белогвардейского генерал-барона Уран-Гелея, погрузил свою добычу в ероплан. Долго отчаянные джигиты гнались за еропланом, паля в него из своих винтовок и кидаясь булыжниками с высоких скал, в надежде отбить Патю, но... Но железная птица быстрее мясного коня!

По возвращению в родную часть решил было Василий Иванович жениться на умыкнутой им Пате, которую полковой комиссар товарищ Ф.У. Рманов крестил пятиконечной звездой в полковой Ленинской комнате и нарёк именем Анка. Однако, полковая парткомиссия, под угрозой лишения партбилета, не позволила Василию Ивановичу жениться на Пате-Анке.

Во-первых, Василий Иванович уже был женат.

Во-вторых, Анке-Патимат было всего одиннадцать лет, а потому полковой комиссар наотрез отказался проводить венчание, спрятав в свой сейф увесистый том «Капитала» Карла Маркса, которым и проводился обряд того самого венчания.

В-третьих, жена Василия Ивановича – Василиса Ивановна – пообещала устроить мужу «Содом, Гоморру, а заодно и последний день Помпеи, если этот старый кобель еще хоть раз посмотрит на какую бабу». Впрочем, Василиса Ивановна уже подала на развод, как только Василия Ивановича арестовали агенты НКВД, и укатила в Анапу с каким-то прыщавым артиллерийским лейтенантиком.

Так и не женился Василий Иванович на Анке – пришлось ему сдать Анку в окружной ордена Фридриха Энгельса 9-й степени Детский дом имени VII Интернационала, где Анка и обрела так необходимые в мирной жизни навыки профессиональной снайпера-пулеметчицы. После окончания же Детского дома, выросшая и превратившаяся в самую настоящую дайнековскую бомбиту и архифотомодель, Анка была поставлена на воинский учет и направлена по распределению в кавполк, коим как раз и командовал Василий Иванович.

Василий Иванович был обладателем шикарных усов, которые делали его похожим на жука. В принципе, Василий Иванович и сам был еще тот жук. Его за глаза так и называли – Чубабайс, а то и вовсе – Жуковский. Василий Иванович был комдивом самой обыкновенной 25-й пехотострелковой дивизии. Однако, дивизии Василия Ивановича был предан кавалерийский полк, командиром которого он и был по совместительству. Василий Иванович любил приехать в кавполк, надеть бурку и проскакать галопом с выхваченной наголо шашкой, пуская пыль из-под копыт своей резвой кобылицы в глаза и камеры корреспондентов столичных газет «Истинная Правда» или «Красная звезда», различных там киношников, а то и просто перед одиноким собкором дивизионного «Боевого листка». Комиссар дивизии и также по совместительству комиссар кавполка – товарищ Ф.У. Рманов – лишь посмеивался над этой прихотью Василия Ивановича, наотрез отказываясь садиться в седло и фотографироваться верхом, предпочитая кожаный диванчик трофейного «Паккарда».

Кавалерийский полк, в котором так любил появляться и позировать Василий Иванович, и полком-то было назвать нельзя – полк был сокращенного, трехэскадронного состава с пулеметным и танкеточным взводами. Третий эскадрон полка прозывался «Кабарда», второй именовался «Казачьим», а название первого история не сохранила. Впрочем, поговаривали, что названия у первого эскадрона просто не было, хотя такого, конечно, и быть не могло. Скорее всего, название эскадрона было матерным, а потому неблагозвучным, или же наоборот.

В пулеметном взводе, кроме собственно пулеметов, были еще и тачанки, в каждую из которых веером запрягалась четверка лошадей. На самом почетном месте в тачаночном гараже стояла рессорная колониетская бричка на резиновом ходу, отбитая еще не то в Гражданскую, не то в Великую Военную войну самим маршалом кавалерии товарищем З.А. Бубённым у

самого батьки Сохно – легендарного Таврического анархиста из Загуляя, наводившего некогда ужас на помещиков и комиссаров целого ряда южных губерний. Вот в этом пулеметном взводе как раз и служила снайпером-пулеметчицей боец Анка.

В танкеточном взводе была парочка устаревших допотопных танкеток, чуть ли не палеозойской эры пермьского периода, которые годились разве только на то, чтобы сгонять по бездорожью в сельпо за водкой или на хутор за самогоном и салом, когда с проверкой дивизии приезжал сам Командарм – Маршал Оборона товарищ А.О. Сечка. Броня же тех танкеток в некоторых местах была настолько тонка, что ее можно было пробить насквозь пустой бутылкой, что Командарм как-то раз и сделал, когда, изрядно набанкетившись во время очередной внеочередной проверки дивизии, швырнул пустую бутылку прочь и случайно попал в танкетку. И не просто в танкетку, но в латку из толстой картонки на месте пробоины и окрашенной в цвет самой танкетки.

История вышла пренеприятнейшая... Борт танкетки был пробит насквозь, танкист получил сильное физическое сотрясение мозга, сопровождающееся стойким моральным потрясением, после коего наотрез отказывался залезать в какую-либо танкетку. Василий Иванович же получил строгий выговор от Командарма за раскуроченную технику. После того случая Василий Иванович весьма обиделся на Маршала Оборона товарища А.О. Сечку, а затем объехал все окрестные хутора и деревни и пообещал всему гражданскому населению, что «лично расстреляет ту контру, которая будет разливать самогон в бутылки из-под шампанского или в подобные».

Теперь же угроза расстрела нависла над самим Василием Ивановичем...

«Второй Казачий – не хрен собачий!» – любили горделиво говаривать бойцы второго эскадрона.

Во втором эскадроне как раз и проходил службу тот самый боец Петька, который засматривался на Анку, что была пулеметчицей во взводе кавполка, преданного 25-й пехотострелковой дивизии, командиром которых и был Василий Иванович. Впрочем, на Анку засматривались все бойцы дивизии. Еще бы! У этой красавицы, комсомолки и спортсменки на весьма большой и аппетитной груди блестели значки «ГТО», «Воровшиловский стрелок», «Воровшиловский всадник», Октябратская звездочка и значок Пионера-героя, вызывая неподдельные интерес и зависть всех бойцов дивизии. Многие отчаянные головы пробовали хотя бы немного снюхаться с Анкой, но, получив не по-девичьи жесткий отказ, держась за распухшие от удара кирзовым сапогом тестикулы, мрачно удалялись во Свояси, где располагался преданный дивизии Особый отдел ВЧК, писать клязу-донесение. Из этих кляуз уже можно было сложить один вполне солидный том, превосходящий не только размером, толщиной, но и эротичностью любую отдельную книжку известного скабрезного французского писателя-классика Гидемо Поссана.

Боец кавполка второго года службы, старший сержант Петька, который был лихим кавалеристом и срубиголовой, собирался остаться на сверхсрочную и сменить в должности уходящего на дембель замкомандира полковой сержантской учебки старшину Запаханного. К слову сказать, старшина был внебрачным сыном знаменитого дрессировщика домашних коз Вольтера Запаханного, у которого были и официальные сыновья – Патрокл и Чарльз. Потом о них очень много писали в греческих сагах. В кавполку вообще было много звездных отпрысков, которых их папеньки устраивали под крыло Василия Ивановича, как, к примеру, старшина Запаханний или Федька Бочкоделов, или же Андруха Простоцкий – сын Ростанислава Иосиосафовича...

Бойцы учебки размещались в казарме второго эскадрона, а потому от старшины Запаханного частенько доставалось не только его подопечным, но и бойцам эскадрона. Очень суров был старшина учебки. Однако, справедливости ради, надо сказать, что своих питомцев из

учебки старшина Запаханый дембелям из эскадронов в обиду не давал. Впрочем, дембеля и сами побаивались старшину Запаханного...

Единственным существом, «игнорирующим» Запаханного, был «сын полка» – ослик по кличке Гном, которого с чьей-то лёгкой, веселой руки поставили на довольствие. Старшина старался не появляться в поле видимости Гнома. Когда же случалось, что перед взором ослика возникал Запаханый, то, застыв на месте, ослик удерживал равнодушие на морде целую минуту, а потом громогласно начинал смеяться по-ослиному. Поговаривали, что его этому трюку научил полковой завпрод подпрапорщик Дуля, дабы отвадить от себя строгого Запаханного. Надо сказать, что между Дулей и Гномом наблюдалась большая дружба. Дуля только к ослу относился по-человечески, а Гном отвечал ему тем же.

Однажды, будучи еще ефрейтором, Дуля выслал домой фото, на котором он восседал на Гноме, а с обратной стороны корявым дулиным почерком было написано: «Выехал, ждите». Родственники просчитали, за сколько времени ослиного хода из пункта А Дуля прибудет в родной пункт Б, и к приезду основательно подготовились. Но Дуля так и не появился. Несмотря на то, что сами же родственники выпили весь самогон и съели подготовленную к его приезду жратву, они ему написали гневное письмо с угрозами и требованиями компенсации за зазря зарезанного кумом двоюродного брата соседа шурина племянника отца Дули кабанчика, от чего Дуля решил остаться на сверхсрочную, где и дослужился до подпрапорщика и начпрода.

Восточное полушарие уже погрузилось во тьму, когда в квартире конского кутюрье Василия Колчановича раздалась трель телефонного звонка. Когда Василий снял трубку, он услышал весьма знакомый бесноватый голос, казалось, гавкающий на алеманском языке. Послушав пару минут, Василий сказал – «Jawohl, mein Fuhrer!», после чего положил трубку и, как ни в чем ни бывало, пошел спать. Однако, это происшествие никакого отношения к нашему повествованию не имеет, и мы не будем больше упоминать о нем...

ГЛАВА 2

«Не бойтесь чужой, долбанной тени, особенно в кромешную ночь» Се Дук Сен

Однажды утром командир кавалерийского отделения старший сержант Артемий Чорний был в конюшне второго эскадрона и чистил своего уже весьма старого, давно начавшего сесть мерина Шопенгауэра или, как он его называл уменьшительно-ласково, Шопена. Артемий ловко орудовал щеткой и скребком, когда из штаба прибежал посыльный и передал дневальному по конюшне прокричать построение. Через пятнадцать минут весь личный состав кавполка, за исключением занятых в наряде, выстроился поэскадронно и повзводно на плацу перед зданием штаба.

Как оказалось, в полку произошло вопиющее ЧП – пропало знамя полка! По штабу туда-сюда сновали приехавшие из Своясь особисты ВЧК и НКВД, вооруженные лупами, высокими воротниками, широкополыми смексиканскими шляпами, черными очками и другими орудиями сыска и шпионажа, с неизменно дымящимися папиросами в желтых от никотина зубах. Перед строем был арестован комдив Василий Иванович, с которого были грубо и позорно сорваны награды и погоны, и увезен на гарнизонную гауптвахту, располагавшуюся рядом гаражом кавполка. Личному же составу полка было объявлено, что если в течение трех дней знамя не будет найдено, то комдива, к чёртовой матери, расстреляют, полк, к едрене фени, расформируют, а личный состав, к ядерной бабушке, разжалуют и сошлют в далекую и несолнечную Сибирь – в стройбат.

Тоска, уныние и страх воцарились в кавполку – в Дважды Краснолопатный Заполярно-Сибирский Отдельный стройбатный имени Стахана Корчагина полк никто не хотел попасть. Избави боже долбить вечную мерзлоту!..

Бойцы полка разбрелись по территории части, тщательно проверяя каждый закоулок на предмет утерянного боевого знамени, но все было тщетно. Поговаривали, что знамя пропил подпрапорщик Дуля, известный своими махинациями и пьянками. Василий Иванович не раз порывался прижучить Дулю, для чего и устраивал внезапные ревизии, но, проведя такую ревизию и выходя из продсклада, изрядно накушавшись контрабандного коньяка и еле волоча сумки, набитые всякой дефицитной и диковинной снедью, никаких нарушений или же хищений социалистической собственности не находил. Подпрапорщик же Дуля, которого пронесло от ревтрибунала в очередной раз, продолжал свои темные делишки.

Будучи человеком весьма сообразительным, подпрапорщик Дуля запряг свою продуктовую бричку ослика Гнома и отправился на ближайшую станцию Одинцово, куда только что прибыл новенький, смексиканского производства бронепоезд Наркома по военным и морским делам товарища Троцкого. Дуля знал, что товарища Троцкого всюду сопровождает конвой, состоящий из скитайских товарищей. Скитайцы были известны не только своей кровожадностью и преданностью товарищу Троцкому, но и тем, что вели весьма оживленную торговлю дешевым скитайским же ширпотребом и различной контрафактной продукцией, развозя заказы по стране на бронепоезде товарища Троцкого, который зачастую и сам не знал – куда и зачем следует его бронепоезд. Заправлял сей негодией скитаец по имени А Ли, отчего бронепоезд наркома в народе за глаза прозывали Али-Экспрессом. У скитайцев и решил подпрапорщик Дуля прикупить новое знамя полка.

Конечно же, знамя у скитайцев нашлось. Дуле предложили на выбор любое знамя любой части, любой дивизии или полка, причем, если брать оптом – то была обещана существенная скидка. Каково же было удивление скитайских товарищей, когда оказалось, что Дуле было

необходимо всего одно знамя. Знамя, купленное у скитайцев, ничем не отличалось от оригинала.

– Умеют же, черти! – восхитился товаром подпрапорщик. – Не то, что наши...

Дуля в уме подсчитал сколько у него от этой не очень коммерческой сделки осталось денег и попросил А Ли продать какой-нибудь диковиной заморской выпивки, а пока китаец ходил за алкогольной продукцией, Дуля успел спереть ещё один флаг. Подпрапорщик понимал, что если его замысел удастся, то он упрочит свое положение завпрода и надолго избавит себя от внезапных и разорительных ревизий, а может, даже орден «Героя социалистической войны» получит... Хотя, если дело не выгорит – и Дуля также понимал и это – то он рисковал получить орден Героя посмертно... Причем, без самого ордена... Ворованное запасное знамя Дуля запахал к себе в штаны, а в другое завернул две пары бутылок контрабандного виски и сунул под сиденье служебной брички, после чего взгромоздился на то сиденье и отправился обратно в полк.

По дороге Дуля встретил голосующую на пыльной дороге девушку азиатской наружности, про которую он, почему-то, с первого взгляда подумал, что это переодетый мужик. Девушка так неистово махала рукой, что Дуля раздобрился и подобрал её. Разговорились... Вернее, она что-то лопотала и улыбалась. Для собственного удобства Дуля решил, что она беженка из далекой страны Скитай, спрашивал её об А Ли, но азиатка лишь улыбалась и что-то в ответ чирикала на своем птичьем языке. Подпрапорщик Дуля остановил бричку в пихтовом лесу и предложил девушке перекусить, знаками засовывая пальцы в рот. Беженка не отказалась.

Дуля вытащил запасное знамя из глубин галифе и расстелил его прямо на голой земле наподобие скатерки. Затем, о чем-то подумав, присовокупил и другое знамя, аккуратно застелив сверху свежим номером газеты «Истинная Правда», после чего выложил на импровизированную скатерть всё съестное, что у него было: два вареных яйца, краюху хлеба, две вареных бульбы, головку лука, и три дольки чеснока. Всё это застолье он украсил ещё бутылкой контрафактного виски от А Ли. Пили с горла, по очереди. Поговорили о том, да, о сем в прежнем духе. Девушка откуда-то выудила синенькую табакерку, достала оттуда шепотку коричневого порошка и, засунув в ноздрю, резво вдохнула. Застыв на несколько секунд, она протянула табакерку подпрапорщику. Дуля проделал ту же процедуру. Сначала ему было очень щекотно, потом он несколько раз с удовольствием чихнул, и... наступило полное спокойствие и тишина, как будто весь мир застыл. И в этой тишине в голове Дули зазвучал отчётливый голос:

– Чёртов бестолковый человек! Мог бы меня и распрячь!

– Ты кто? – испуганно спросил Дуля.

– Я – Гном! – ответил голос в голове, отчего товарищу Дуде неистово захотелось перекреститься.

Но затем мир снова принял привычные очертания, а свежий ветер пробежался по волосам начпрода, вернув мысли на место.

«Привидится же такое!» – подумал Дуля и снова вернулся к созерцанию скитайской девушки.

Но Дуля не был бы Дулей, если бы не покусился на святое – он неожиданно накинулся на девушку и повалил на зеленую травку. Азиатка, что было сил, сопротивлялась – она оказалась прыткой и довольно сильной – перекинула несколько грузноватого Дулю через себя, как мешок с бульбой, и весьма болезненно пнула ногой Дулю в промежность, после чего молниеносно скрылась в кустах.

– Хрен вас, дур, разберёшь! – корчась от боли, выпалил Дуля вслед убежавшей в тёмный пихтовый лес азиатке.

Вечерело... Сколько Петька не доказывал Анке, что алая материя, которую он ей презентовал, вовсе не ворованная, а обмененная на бутылку чистейшего, как слеза комсомолки-дев-

ственницы, самогона, все же не смог её вразумить. Анка не верила ему и плакала, размазывая свои слёзы и сопли по своему нежному, как спелый плод яблока сорта белый налив, личику. Петька даже, улучив момент, хотел умиротворить Анку мужским обаянием, но она резко отстранилась и, оборвав плач, сказала: «Только после свадьбы!». А ведь Петька и не помышлял ни о какой свадьбе. Он хотел было сказать, мол, что ты артачишься, но, вспомнив про её подбитые кованными набойками сапоги, промолчал и решил навеститься к Дуле, который и продал ему знамя полка как б/у. Подпрапорщика Дули не оказалось на месте, и Петька решил устроить ему засаду...

Вечерело... Свежий ветерок доносил со станции Одинцово редкие паровозные гудки. С заборного болотца раздавалось веселое и многоголосное кваканье подстоличных жаб. Говорят, в этом болотце как-то раз чуть было не утонул, после изрядного банкета, сам Командарм Сечка, потеряв при этом медаль «За навагу». Из революционного Кронштадта матрос Долбенко, бывший главой Центробалта, прислал подразделение боевых пидо... эээ... Так их называл Командарм Сечка, хотя в действительности они были боевыми водолазами. Прибывшие водолазы спустились на самое дно болотца и обстоятельно обшарили все подкоряжья, но чёртову медаль так и не нашли. Как в воду канула – поговаривали злые языки. Опечаленный потерей награды, Командарм уже было решил уволить Василия Ивановича с воинской службы и отправить его в Урюпинск заведовать местным зачуханным гипподромом. Однако, все обошлось – Василия Ивановича от увольнения спас некий подполковник ВЧК, недавно переведенный в Москву из Третьего Рейха, откуда его выставила фашистская тайная полиция «штази», где он провалил всю агентурную работу, и у которого Василий Иванович подрабатывал тайным осведомителем под видом советника по конским вопросам.

Вечерело... Петька лежал в кустах напротив продуктового склада и, сжимая в революционных боевых руках трофейную биноклю, пристально всматривался по сторонам, боясь упустить распроклятого Дулю – главного виновника всех бед, свалившихся на кавполк. Комары полчищами летали вокруг и досаждали Петьке. Пришлось снять портянки и накинуть их на куст – крепкий запах солдатских портянок вмиг разогнал кровососущих тварей. Из распахнутого настежь и единственного освещенного окна штаба полка доносилась песня в исполнение Вадима Козина про то, как утомленное солнце нежно с морем прощалось, и в этот самый час какая-то кто-то призналась ему – Козину, конечно же, а не солнцу или морю, как вы могли бы и сами догадаться – в полном отсутствие чувств, прозываемых в народе любовью. Патефонная пластинка была явно заезжена – характерные шумы пробивались скрипящими трещинами сквозь музыку и пение. Петька уж было подумал, по уже сложившейся пролетарской привычке, о далеком и светлом будущем, когда изобретут нечто лучше допотопного патефона, как вдруг услышал до боли знакомые постукивание копыт и скрип рессор – то приближалась продуктовая бричка подпрапорщика Дули. Петька торопливо намотал портянки и поспешил обуться.

Вечерело...

Василий Иванович, понутив голову, сидел на полатах в своей, в короткий срок ставшей почти родной, камере гарнизонной гауптвахты и крошил батон, подкармливая откуда-то вылезшую серую и, как он сам, худую мышь. Василий Иванович вспоминал прожитую жизнь, проведенную большей частью на фронтах Гражданской и Военных войн. Вспоминал, как партизанил во время Первой Мировой в кавалерийском отряде войскового старшины Андрия Григоревича Шкуркина, совершая дерзкие рейды по тылам австро-венгров и вспарывая их поганые животы. Вспоминал, как с товарищем Засушенным мотылялся по пескам Кура-Кум, где грабил караваны контрабандистов и сражался с басмачами Абдуллы и Джавдета. Вспоминал, как помогал белорусским товарищам сражаться против белополяков, белоэстонцев и белочернорусов, пока их армия, коей командовал сам маршал З.А. Бубённый, не была разбита под польским Водостоком польским же воеводой маршалом Пилсусским. Вспоминал, как отморо-

зил свой зад, пока справлял естественные надобности, сидя в кустах, во время зимней сфинксской войны. Вспоминал, как выиграл в очко у Наркома по военным и морским делам товарища Троцкого наградной маузер с орденом Красного Знамени на рукояти; как товарищ Троцкий просил потом Василия Ивановича вернуть ему тот маузер, обещая взамен познакомить с самим Вождем мирового пролетариата товарищем Лениным. Василий Иванович вернул наградной маузер Троцкому, но познакомиться с Лениным так и не успел – товарища Ленина, выступавшего на митинге в честь дня рождения Вождя мирового пролетариата товарища Ленина, подстрелила из снайперской винтовки засланная странами Антанты эсэрка Фаинна Каплян из секты Свидетелей святого Гавриилы Принципа. Пуля, выпущенная Фаинной, задела Ленина за живое, отчего Ленин впал в кому и вскоре, недолго думая и не приходя в сознание, окошел, отойдя в мир иной.

К слову, степного орла Ленина тогда так и не похоронили, хотя сам горный орел Коба на этом очень настаивал. К этому времени грозный товарищ Троцкий гостил у кавказских джигитов товарища Сарумяна, возглавлявшего Армянский ЦК, а товарищ Коба в Москве вместе с партийными бонзами собирались предать тело Вождя земле, пока Антидот Бронштейн в облике Лейбы Троцкого не возвернулся. Зима же в тот год выдалась настолько суровой, что вырыть могилу в мерзлоте не представлялось возможным. Тело Ленина, предварительно заспиртовав, поставили в деревянном мавзолее. На следующий день у мавзолея образовалась огромная очередь из желавших проститься с Вождем мирового пролетариата, а заодно отчерпнуть кружкой грамм сто спирта из Ленинского гроба. Каждую ночь особистам приходилось подвозить новую бочку спирта и заливать в гроб. Вскоре тысячи людей со всех концов необъятной страны потянулись к Мавзолею, позвякивая неизменными алюминиевыми кружками и выстраиваясь в длиннющие очереди, вдоль которых сновали бойкие бабульки с солеными огурцами и квашеной капусткой. В конце концов, повсюду развесили иконы вождя, и для Пахома и „низов“ открыли мощи Ильича под коммунистическим соусом.

К вечеру в часть прикатил собственной важной персоной сам Маршал Оборона А.О. Сечка, чтобы попрощаться со своим боевым товарищем. Он почему-то был уверен, что знамя никогда не найдут. А так как он должен был срочно уехать из урусского улуса во вступившую на социалистический путь братскую Смонголию, где в осажденном революционными войсками товарища Мастур-Батора столичном сарае Урга поднял контрреволюционное восстание бежавший с Кавказа тхакушинский князь Аилби-Бек Дошираков, то Командарм не стал дожидаться ещё два долгих дня, оставшихся до приведения в исполнения приговора Василию Ивановичу.

Размышления Василия Ивановича прервал скрип открываемой двери – в камеру вошел Маршал Оборона товарищ Сечка. Командарм пришел не с пустыми руками – с собою Маршал принес литровую бутылку мутного самогона, заткнутую початком кукурузы, пару колец краковской колбасы, которая тут же напомнила Василию Ивановичу разгром под Водостоком, кусок отборного сала, сдобренный различными специями, каравай ржаного хлеба, а также всякие там помидоры-мамидоры, зелень-мелень и хрен.

Василий Иванович, помня старые обиды, встретил Маршала Оборона весьма прохладно, что, однако, совсем не смутило Командарма. Вертухаи гарнизонной гауптвахты быстро соорудили прямо в каземате для них импровизированный стол. После третьей чарки Василий Иванович оттаял. После пятой – им захотелось женского общества...

Когда Гном остановился у закрытых ворот продуктового склада и застыл в ожидании, Петька вдруг понял – тут что-то не так. Подпрапорщика Дули на бричке не было! Петька дошел до ворот КПП в надежде отыскать Дулю, однако, его погодок сержант Вовка Шигорецкий – дежурный по КПП – объяснил, что ослик Гном, запряженный в продуктовую бричку, прибыл в расположение части самостоятельно, что же касается подпрапорщика Дули, то Вовка его не видел, да и в гробу он видел этого Дулю. Но, увидев бегающие по глазной орбите зеленого

цвета зрачки, Петька, выставив рога, подступился к нему, и Вовка сразу же выпалил, что Дулю снял с брички и увел в сторону штаба комиссар товарищ Ф.У. Рманов, приказав Вовке молчать о случившемся, а ослик же Гном самовольно отправился к продскладу.

Петька неспешно возвернулся к продуктовому складу, распряг и отвел беднягу Гнома в конюшню, передав его дневальному по конюшне, и вонь вернулся к дулиной бричке. Дули все не было. Вместо Дули на козлах аккуратно стояли начищенные до блеска дулины нестроявые брогированные штиблеты из лакированной кожи итальянской мануфактуры. Петька пошарил в бричке в надежде найти пару банок тушенки, а то и повидлу какую для Анки, как вдруг обнаружил сверток – боевое знамя полка, в которое были тщательно завернуты парочка бутылок контрафактного виски. Быстро расовав бутылки по бездонным карманам кавалерийских галифе, Петька аккуратно засунул знамя за пазуху гимнастерки и, надвинув бубённовку на самый лоб, направился в сторону штаба дивизии.

Штабное окно на втором этаже – как раз в дежурке, с побитыми стеклами – было открыто настежь. По крикливым, пьяным голосам, доносившимся из отворенного окна, Петька распознал комиссара Рманова и подпрапорщика Дулю. Аккуратно положив наземь знамя и бутылки с вискарем, Петька ловко залез на березу и, скрываемый зеленой листвоной, стал подглядывать за происходящим в дежурке.

– Отменный вискарь! – сказал, причмокивая, товарищ Рманов и с размаху поставил стопку на стол.

– Да, что надо, – отозвался Дуля, занюхивая рукавом.

– Где взял? – спросил, поглаживая брови, Рманов.

– Взял... – уклончиво ответил Дуля.

– Не темни, – продолжал Рманов.

– Да у барыги одного на рынке, – соврал Дуля и, чтобы сбить с толку комиссара, спросил:

– А если сейчас сюда заявится Маршал Обороны? Видел его по пути в полк...

– Да он, наверное, уже сам бухой, – проглотил наживку комиссар, – они с Василием Ивановичем по ведру первача могут засадить. Они как раз сейчас бухают на гауптвахте. Всё идёт к тому, что скоро они к себе пригласят Анку.

Петьку как холодным душем обдало – Анка! Он покинул своё убежище, прихватил знамя с вискарем и поспешил к Анке, к которой, как мы уже объясняли, испытывал весьма определенные чувства, дабы успеть перехватить её от пьяных посягательств накушанных самогоном командиров.

Когда Петка, крадучись и озираясь, подошел к вагончику, в коем и проживала Анка, ему на мгновение показалось, что из анкиного окна выпрыгнул и скрылся в темных кустах ослик Гном, торопливо застегивавший на ходу свой купленный в наигламурнейшем магазине сбруи «Бит-Ца» кожаный недоуздок с фурнитурой из варшавского серебра мануфактуры конского кутюрье Василия Колчановича, чей дедушка работал шорником еще у самого Вермахта.

– Причудится же такое! Я ведь этого Гнома только распряг в конюшне... – подумал Петька, сжимая свои трофеи в штанинах галифе и за пазухой, одновременно перекрестившись комсомольским билетом и стучась в дверь.

Как Петька и ожидал, вскоре послышались шаги, лязг открываемого шпингалета, и дверь гостеприимно распахнулась. В сладострастном предвкушении свидания с любимой им Анкой, Петька шагнул за порог, однако, то, что он увидел, повергло его в шок, но, получив сзади внезапно звонкой лопатой по голове, погрузился во тьму и небытие.

Директор Сигуранцы генерал-хорунжий шановный пану З.А. Навеску в этот вечер готовил в королевскую канцелярию тайный доклад: по имеющимся агентурным сведениям, в советском Центре подготовки космонавтов им. Р.О. Гогозина стартовала программа по запуску прямой свинины на орбитальную станцию – грузчик с тяжелым мешком свинины прыгал с высокой

стены на батут, с коего и стартовал на орбиту. Однако, это происшествие никакого отношения к нашему повествованию не имеет, и мы не будем больше упоминать о нем...

ГЛАВА 3

«Разумение на трех китах: на невежестве и уверенности в своей правоте. А третий кит у него дохлый!» Се Дук Сен

Наркомвоенмордел товарищ Троцкий не переставал вынашивать отвергнутый проклятыми оппортунистами план, который он представил в секретной записке Совету обороны Политбюро, как новый военный план «Варвар Асса», предусматривающий – по старой смонгольской традиции – молниеносный захват Синдии. Тогда, вполне уверенный в гибели Советов, Лейба Троцкий предлагал, как акт агонии, сформировать корпус из тридцати-сорока тысяч всадников и нанести революцию, подобно Мукердонскому, в Азию. Но пока были завербованы лишь всего десять тысяч – но зато весьма опытных! – кровожадных кавказцев из тхакушинского тейпа, каждый из которых стоил троих, а то и четырех синдийцев. Кроме того, в подпольных типографиях, оставшихся от старых, расстрелянных в силу их несоответствия новому духу времени, революционеров, по приказу товарища Троцкого печатали переведенные на туземные языки труды Карлы Маркса, Ленина и – конечно же! – самого товарища Троцкого.

С чувством выполненного долга, Лейба Троцкий просмотрел поступившие к нему за день оперативные донесения и удалился в тайную комнату, где практиковал революционную магию.

Веселье в камере гарнизонной гауптвахты тем временем подошло к кульминационному моменту. В самый разгар тюремного застолья Анка вскочила на стол и закричала:

– А теперь смотрите! – и начала с себя стаскивать женскую амуницию.

– Что ты делаешь? – успел лишь спросить, как огня боявшийся женского стриптиза в силу своего старорежимного домостроевского воспитания, сконфуженный Василий Иванович, но Анка уже стояла перед ними в алых бюстгальтере и трусах.

Василий Иванович как бык выпучился на красный цвет нижнего белья Анки и, заикаясь, закричал, хлопая себя по боку, ища наградной маузер товарища Троцкого:

– Что такое?..

Маршал Обороны товарищ А.О. Сечка, не веря своим глазам, плотоядно осматривал выдающиеся формы Анки и было весьма видно, что его явно очень мало интересовал цвет Анкиных трусиков.

– Успокойтесь, Василий Иванович!.. – сказала Анка. – Сейчас вы сами всё поймёте!

– Кажется, я уже всё понял! – воскликнул убитым голосом Василий Иванович.

– Ничего вы не поняли, – спокойно ответила Анки. – Теперь пусть снимет штаны Андрей Онтонович.

– Айн момент... – радостно воскликнул Маршал Обороны и начал было раздеваться, но, когда дошёл до галифе, вдруг испуганно осекся и остановился.

– Василий Иванович, пусть он снимет штанишки, и вы сразу всё поймете, – умоляюще попросила Анка.

В глазах Василия Ивановича мелькнуло нечто весьма издали похожее на мысль, и он, потеряв всякую субординацию, приказал-таки Маршалу Обороны:

– А ну, сука, скидай портки!..

– Не буду! – мотнув головой, заупрямился Сечка.

Тут Василий Иванович и Анка, обменявшись взглядом, не стовариваясь, накинулись на товарища Сечку и, повалив его, стянули с него галифе...

На Командарме были такие же алые, как у Анки, семейные трусы! Спереди – на месте ширинки – красовалась большая золотая звезда. Сомнений не оставалось: Василий Иванович слишком хорошо знал сие знамя – когда однажды они тикали от белых, в одном месте знамя

было пробито вражеской пулей, и Василий Иванович, после того как улеглась суматоха, самостоятельно очень аккуратно заштопал знамя. И вот теперь это знамя стало трусами Маршала!..

Командарм не переставал обороняться, и тогда Василий Иванович со всей дури, а дури у него было очень много, впендюрил товарищу Сечке в глаз кулаком. Вокруг правого глаза Маршала сию же секунду проявился большой красивый фонарь, после чего Командарм совсем обмяк.

– Как же давно я хотел это сделать! – воскликнул запыхавшийся Василий Иванович, но потом, спохватившись, спросил:

– А ты про это узнала?

– Очень просто, – ответила, одеваясь, Анка, – мне кое-что интересненькое рассказала ваша кобыла Королева Анастасия.

– Во болтушка! – только и воскликнул Василий Иванович.

– Потом я допросила, – продолжила Анка, – пока вы здесь пьянствовали, лошадь Командарма. Она тоже во всем мне созналась. Это Сечка выкрал оригинал знамени. Он хотел, чтобы вас расстреляли, а на ваше место поставить своего зятя Гришку Скотовского.

– Во падло! – вырвалось у Василия Ивановича. – Расстрелять?! Меня?! Да я тебя щас!..

Вдруг в камеру вбежал комиссар Ф.У. Рманов с изъятым у подпрапорщика Дули алиэкспресовским знаменем полка наперевес.

– Василий Иванович! – кричал радостно товарищ Рманов. – Знамя нашлось!

– Да, уж... Нашлось... – хмуро ответил Василий Иванович, а уже пришедший с себя Маршал Обороны пробубнил:

– Ну, и славненько!.. – и начал, шатаясь, надевать свое галифе.

«И тут он, гад, выкрутился...» – подумал Василий Иванович и смачно сплюнул в тарелку, в которой одиноко алел в окружении смятых папиросных окурков сморщенный соленый помидор.

– И как, мля, я теперь поеду в Смонголию с таким фингалом?.. – недовольно пробубнил Сечка, разливая очередную порцию самогона по стаканам.

– Как тебе, мля, не стыдно! От ведь гаденыш, мля!.. А еще старый боевой товарищ, называется... – возмутился обиженно Василий Иванович, с виноватой детской ухмылкой, поглядывая на фингал товарища Сечки.

– Ага... Очень стыдно... – признался немного протрезвевший Маршал Обороны, застегивая портупею. – Но, мля, сам понимаешь – жизнь такова... Одно приятно, что теперь не придётся расстрелять тебя к чёртовой матери.

С улицы донесся веселый и задорный смех ослика Гнома...

В это время где-то на Дальнейшем Востоке, в загадочной стране Северная Скорее, только что вступившей на путь истинного социализма – путь чухни, на окраине столичного города Пьянпень в секретном дворце Великого Вождя Скорейской революции товарища Се Дук Сена проходило не менее секретное совещание, на которое были вызваны все скорейские генералы.

Товарися! – начал свою пламенную речь, прерываемую бурными аплодисментами, переходящими в бурные овации, Краснопёрый Вождь и Любимый Руководитель товарищ Се Дук Сен. – Наша молодая республика довольно натерпелась от промежнародных империалистов, стремившихся задушить истинно сосоциалистическую Северную Скорее, вставшую на путь чухни! Только Северная Скорее идет верным ленинским курсом, в отличие от скатившегося на путь ревизионизма, троцкизма и мяоизма Советского Союза.

(бурные аплодисменты, крики «браво!»)

– Товарися! – продолжал замечательно противоречивый в своей гениальности Любимый Руководитель Се Дук Сен, отхлебнув из граненого графина свою неизменную рисовую соджу. – Как вы все хорошо осведомлены, наша республика много натерпелась от кровавых банд хун-

вейбонов и бухензухов, совершавших свои подлые набеги через реку Амноган с территории мяоистского Скитая. Однако, это время прошло! Банды бухензухов и хунвейбонов были разгромленным революционными войсками Народной Армии Скорее под командованием нашего блестящего генерал-сержанта товарища Пук Ук! Бандам бухензухов и хунвейбонов пришлось отступить на территорию материкового Скитая, где они были нещадно разбиты и рассеяны по Маньчжурской тайге союзными войсками Тай-Баньского диктатора генералиссимуса Чайн Кой Сы и Маньчжу-Гойского императора Пу И. Сейчас бухензухских недобитков, перебравшихся на сопредельную территорию и скрывающихся в глухих отрогах Сихотя-Алиня, преследуют и уничтожают революционные охотники под руководством красноудэгейского товарища Урсулы де Рзала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.